

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-324-333

СДВИГИ В ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЙ УСТАНОВКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ БИМЕДИЦИНСКОГО ПРОГРЕССА: ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ, ЭТИЧЕСКОЕ

А.И. Желнин

Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, Пермь, Россия, 614990

Смерть является инвариантом человеческого бытия, своего рода его «точкой омега». Вместе с тем отношение к ней не является константой, а претерпевает изменения, будучи вписанным в широкий социокультурный контекст. Целью статьи является попытка установить характер данных изменений на современном этапе конкретно под влиянием бурного биомедицинского прогресса и тех коллизий, которые эти изменения порождают. Во-первых, имеет место тенденция к росту оптимизма: некоторые теоретики склонны воспринимать смерть не как неотвратимую данность, а скорее как проблему и вызов. Вместе с тем возникает радикальное направление, полагающее, что преодоление смерти возможно только посредством полного отделения человека от телесного субстрата. Утопичность данного проекта заставляет более умеренных теоретиков искать обходной путь, заключающийся в «войне» со старением как главным предшественником смерти вплоть до попыток его полной отмены. Постепенно происходит становление научной иммертологии как своеобразного антипода танатологии. Вместе с тем многие теоретики и тем более простые люди сохраняют скепсис по поводу перспектив победы над смертью. Можно заключить, что биомедицинский прогресс актуализирует общую интенцию человека на самосохранение и избегание смерти, однако со стороны науки требуется оценка не только объективных возможностей для ее преодоления, но также и онтологических, и антропологических (в том числе моральных) последствий этого.

Ключевые слова: жизнь, смерть, бессмертие, старение, танатология, иммертология, биомедицинский прогресс, трансгуманизм

Смерть традиционно определяется как окончание жизни, ее «точка омега». Как биологическое по своей сути событие она является закономерной следствием принципиальной конечности человеческого существования во времени и в этом смысле неотвратима. Вместе с тем инвариантность смерти не отменяет возможности сосуществования различных способов отношения к ней и их изменения с течением времени. Это показала еще Античность, породив основные траектории восприятия смерти с соответствующими этико-танатологическими концептами. Ф. Арьес в своем известном труде наглядно продемонстрировал сдвиги в восприятии смерти, характерные для эпохи Нового времени, такие как ее индивидуализация, медленная десакрализация и постепенное вытеснение из повседневной, бытовой жизни [1].

© Желнин А.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Вопрос усложняется, когда в дело вступает противоположность смерти, бессмертие, которое также может иметь целый спектр интерпретаций. Так, С. Кьеркегор писал: «Ибо на языке людей смерть — это конец всего, и, как они говорят, пока есть жизнь, есть надежда. Однако для христианина смерть — вовсе не конец всего, и не простой эпизод в единственной реальности, каковой является вечная жизнь; и она вмещает бесконечно больше надежды, чем несет нам жизнь, даже наполненная здоровьем и силой» [2. С. 289].

Долгое время преимущество изучения вопроса смерти и бессмертия оставалось за философией и теологией. Со временем в разных науках появляется возможность более детального изучения смерти и всего, что с ней связано, однако можно согласиться с тем, что наука по большей части отказалась от понятия бессмертия, оставив его прерогативой веры (в том числе религиозной). К. Ламонт совершенно справедливо указывает на первоочередность значения биологической науки и в частности теории эволюции на данный процесс: «Смерть — это совершенно естественное явление, она играла полезную и необходимую роль в ходе длительной биологической эволюции. Жизнь и умирание, рождение и смерть — это существенные и связанные друг с другом аспекты одних и тех же биологических и эволюционных процессов» [3. С. 276].

Таким образом, можно ожидать, что современная ситуация также характеризуется некоторыми сдвигами в отношении к смерти и у них есть свои специфические детерминанты. *Целью работы является анализ данных сдвигов, прежде всего в контексте такого специфического для современной эпохи феномена, как бурный биомедицинский прогресс, очерчивание характера его влияния на восприятие смерти и возможные последствия этого в различных аспектах (в том числе и моральном).*

В XIX—XX веке смерть стала пониматься по большей части как естественное, природное явление. Асимметрия в естественнонаучном и гуманитарном ее исследовании, успешность первого и недостаточность второго во многом объясняется ограниченностью применимости здесь гуманитарных методов, традиционно имеющих субъективную, интроспективную природу: «Момент кончины, определяющий завершение индивидуального человеческого бытия и сознания, отвергает возможность его интроспективного восприятия и осмысления смерти самим индивидом, поэтому смертный миг познаваем лишь со стороны. В связи с этим, констатируя однократность и неизбежность наступления смерти, а также равенство всех людей перед ней, исследователи, как правило, сосредоточивали свои усилия на изучении психофизических и медицинских аспектов смерти, элиминируя философские, исторические, психологические ее модулы» [4. С. 197].

М. Хайдеггер, вводя понятие «бытие-к-смерти», тоже указывал на данный разрыв между онтическим и онтологическим в переживании смерти, способность иметь опыт только смерти другого: «Достижение целостности присутствия в смерти есть одновременно утрата бытия его вот. Переход к уже-не-присутствию изымает присутствие как раз из возможности иметь опыт этого перехода и понять его как испытанный... Тем убедительнее тогда навверное смерть других. Окончание при-

сутствия становится тут „объективно“ доступно» [5. С. 237]. Вместе с тем можно констатировать относительное выравнивание асимметрии между естественнонаучными и гуманитарными подходами к смерти в последнее время. Так, происходит актуализация биоэтической проблематики вокруг смерти: «Во второй половине XX в. рефлексия смерти выходит за рамки сугубо естественных наук в область биоэтики, активно обсуждаются такие вопросы, как этические аспекты эвтаназии, клонирования, легализации аборт» [6. С. 265]. Имеет место развитие психологических подходов, начиная с фрейдовской гипотезы о существовании «влечения к смерти» вплоть до идеи, что авитальная активность является основной в жизнедеятельности человека (концепция тифоанализа) [7]. Наконец, происходит становление танатологии как принципиально междисциплинарной области исследований, включающих и естественные, и гуманитарные аспекты [8]. Смерть продолжает признаваться биологическим по своей природе фактом, но в случае человека дополняется психологическим и социокультурным измерениями. Перспективным в этом плане являются попытки разграничения понятия «биологическая смерть» и «социальная смерть»: «Социальная смерть означает прекращение (или глубокое извращение) трудовой деятельности, фундаментальное искажение функционирования и развития сознания и обрыв утверждающих личность социальных связей. Социальное ничтожество, фактическое общественное и/или личностное небытие может наступить и при сохранении биологической жизни индивида» [9. С. 51].

Указывается, что в современном обществе смерть также подвергается интенсивной *медикализации*: «Если сама по себе констатация смерти это по существу одномоментный акт, то смерть, протекающая под наблюдением медиков, имеет длительность, подчас довольно большую. При этом в определенной — и в ходе прогресса биомедицины все большей — мере процесс умирания контролируется медицинским персоналом. А это значит, что смерть (и умирание) становится не просто естественным событием, но таким событием, которое опосредуется имеющимися у медиков техническими возможностями и средствами, то есть в определенной мере — событием искусственным, обусловленным теми решениями, которые принимаются людьми» [10. С. 268].

Данная тенденция также является примером переплетения социального и биологического измерений в смерти. *С одной стороны, медицина означает биологизацию последней, так как сферой юрисдикции медицины являются патологические органические процессы, которые в том числе предшествуют, сопровождают или напрямую вызывают смерть. С другой, медицина представляет собой общественный институт, и ее экспансия в область смерти означает усиление социального компонента в ней.*

Бурный прогресс биомедицинских технологий не только порождает круг новых биоэтических проблем вокруг смерти, но и актуализирует само антропологическое отношение к ней. Так, С. Лем, намечая контуры кибернетического прогресса в управлении человеком природой (в том числе и собственной), писал: «Речь идет не о том, чтобы сконструировать синтетическое человечество, а лишь о том, чтобы открыть новую главу Технологии, главу о системах сколь угодно

большой степени сложности. Поскольку сам человек, его тело и мозг, принадлежат к классу именно таких систем, новая Технология будет означать полную власть человека над самим собой, над собственным организмом, что в свою очередь сделает возможной реализацию таких извечных мечтаний человека, как жажда бессмертия, и, может быть, даже позволит обращать процессы, считающиеся ныне необратимыми» [11. С. 149].

Другими словами, экспоненциальное технологическое развитие способно сдвинуть взгляд на смерть у более-менее массовой группы людей, сместить его в более позитивный регистр, породив надежду на принципиальную возможность ее «отмены». Одной из наиболее радикальных таких групп являются трансгуманисты. Внимание на нем сфокусировано не только потому что он «возвышается как политическая и культурная сила», но и ввиду объективной «неизбежности крупных прорывов в технологиях, на которых он сосредоточен» [12]. Недаром одна из первых трангуманистических книг была посвящена перспективам преодоления смерти посредством крионики [13]. Другой известный их представитель Р. Курцвейл уже на первых страницах своей книги пишет, что технологическая «сингулярность» позволит преодолеть ограничения нашего тела и мозга и что «наша смертность будет в наших руках» [14].

Возникает насущная потребность в критическом анализе данной установки, обнаружении степени ее реалистичности/утопичности. Другими словами, возможна ли и какова вероятность ситуации, которую можно было бы парадоксальным образом определить как «смерть смерти» [15. Р. 155].

Предлагаемые варианты преодоления смерти можно обобщить в две основные альтернативы: первая предполагает полный отказ («трансцендирование») человека от своего биологического телесного субстрата, второй — его качественную трансформацию. Первый сценарий является наиболее радикальным и маловероятным: человек представляет собой принципиально целостное существо, и лишение его сущности интегрированного в нее биологического фундамента будет иметь совершенно непрогнозируемые последствия. Еще Э. Гуссерль указывал на первопорядковую данность человеческого тела, являющегося инвариантной «точкой отсчета» для построения его жизненного мира: «Живое тело постоянно присутствует в поле восприятия совершенно уникальным способом, совершенно непосредственно, в совершенно уникальном бытийном смысле, а именно в том смысле, который очерчивается словом „орган“: то, в чем я совершенно уникальным способом и совершенно непосредственно существую как Я, испытывающее аффекты и производящее действия, в чем я совершенно непосредственно властвую кинестетически» [16. С. 148].

Несмотря на то что некоторые авторы считают, что дебиологизация человека не обязательно будет тождественна его деантропологизации [17], можно констатировать непредсказуемость последствий такого шага и одновременно вполне вероятный вред. *Поэтому предпочтительным для многих «иммортиалистов» является не полный отказ человека от биологического тела, а такое изменение характера организации и процессов в нем, которое позволило бы радикально увеличить про-*

должительность жизни. Главным препятствием данной стратегии является наличие у человека разнообразных болезней, глобально являющихся основной причиной смерти: «Спекуляции о бессмертии укоренены в древности и в человеческой надежде. Бионаучная, медицинская модель болезни, наша преобладающая модель, предполагает, что смерть — это всегда результат болезненного процесса. Если бы не было болезни, не было бы смерти» [18. Р. 245].

Факт того, что старение повышает вероятность целого ряда патологий, является их предрасполагающим фактором, заставляет часть исследователей полагать, что старение само является своего рода болезнью, или как минимум, что они объединены в некий континуум. Поэтому все чаще противостояние смерти в глазах теоретиков предполагает борьбу со старением. Известный геронтолог Обри де Грей, настаивая на масштабной «войне против старения», отмечает, что алармистские настроения против этой борьбы представляют собой «рациональную иррациональность» и являются временным явлением, пока отсутствуют реальные прорывы в данной борьбе, но вместе с тем уверен, что теоретически принципиальных препятствий для его остановки нет [19].

Российским примером оптимистичного настроения в отношении перспектив победы над старением и смертью является концепция И.В. Вишева. Он ратует за создание новой, такой же междисциплинарной, как и танатология, научной отрасли о достижении бессмертия — *иммортологии*. Вместе с тем он указывает на то, что научное понятие «бессмертие» должно быть дистанцировано от его религиозных (трансцендентных) трактовок и что научно обоснованным может быть достижение бессмертия только в некотором относительном смысле: «Под практическим бессмертием человека надо понимать не абсолютное бессмертие, исключающее саму возможность смерти, как чаще всего бывает, например, в смысле бессмертия души, что невозможно с научной точки зрения, а реальную возможность обретения им способности, обусловленной биотическими и социокультурными факторами, жить, оставаясь молодым, неограниченно долго, т.е. без каких-либо видовых границ индивидуального бытия» [20. С. 115].

Отмечается, что препятствиями к становлению научной иммортологии могут стать как чересчур радикальный трансгуманизм (ситуация «бессмертие, но уже без человека»), так и массовая футурофобия и даже известная мысль Эпикура о том, что «когда мы есть, смерти еще нет; когда смерть есть, нас уже нет», которая, по мнению некоторых, действует в качестве только временно утешающего «наркотика» [21].

Однако, на наш взгляд, главное препятствие иммортологии имеет все-таки онтологическую природу и сокрыто в самой организации человека как сложного материального существа, и в первую очередь — в ее биологическом уровне. Оно заключается как в огромной сложности и комплексности его функционирования, в котором мы понимаем на данный момент только небольшую часть, так и в существовании в нем целого ряда феноменов, которые служат для него своего рода ограничителями и которые обобщающе можно определить как «биологическую недостаточность» человека.

Показательно, что биологи на данном этапе в основной своей массе изучают скорее старение и смерть отдельных клеток, их механизмы и сигнальные пути (апоптоз и др.), а также их сложную, поистине диалектическую связь со старением и смертью макроорганизма [22].

Существует много как логических, так и биологических доводов в пользу того, что смерть является ценным эволюционным приобретением, будучи помощником, а не противником жизни как целостного процесса видového и надвидového самосохранения [23]. Вместе с тем социальный способ существования человека во многом ориентирован на преодоление наличных природных ограничений. В природной популяции редко кто доживает до преклонного возраста, современный же общественный прогресс дает для этого широкие возможности. С другой стороны, ввиду сложно иерархической структуры материальной реальности стоит ожидать, что старение как биологический процесс имеет основания в более фундаментальных химических и физических процессах. Можно заключить, что *преодоление смерти является чрезвычайно сложной проблемой как по моральным, так и по чисто онтологическим причинам, и оно в ближайшее время будет идти опосредованно через дальнейшее увеличение продолжительности жизни, рост ее качества, борьбу с болезнями и отсрочивание старения*. Последнее также будет представлять не буквальную его «отмену», а постепенно реализуемую возможность поддержания биологических процессов человеческого организма на протяжении все более длительного интервала его онтогенеза. *Вместе с тем можно подчеркнуть, что бурный биотехнологический прогресс действительно может повлиять на смещение танатологических установок в более оптимистическую часть спектра во взглядах все более массового числа людей*. В этом плане он, вселяя надежду, действует на глубинные слои человека, связанные с тем, что сознание человека по самой своей природе не принимает «травматичную» мысль о смерти как мысль об отсутствии мысли: «Смерть, в конце концов, именно немыслима: состояние без мысли... В конце концов, можно думать о существовании без звезд и галактик, даже без материи; однако нельзя думать о существовании без мысли. Побуждающая сознание остановиться смерть — это абсолютный абсурд, и в то же время абсолютная истина... Смерть — это окончательное поражение разума» [24. Р. 14—16].

С другой стороны, с позиций социального конструктивизма утверждается, что восприятие смерти как чего-то сугубо негативного и желание эмансипироваться от нее тоже является по сути общественным продуктом, и наряду с ним могут существовать отличные от него подходы (например, в рамках других культур, религий и т.д.), которые, однако, во многом игнорируются или подавляются данной господствующей репрезентацией смерти [25].

Исследование показало сложное и многогранное влияние биомедицинского прогресса на сдвиги в танатологической установке. Широко представлены спектры как оптимистических, так и скептических оценок перспектив преодоления смерти, а также необходимости этого. Ситуация обогащается наличием сугубо личностной рефлексивной позиции каждого человека по данному вопросу. Факт же того, что

как вопрос о смерти, так и о ее преодолении имеет неустранимое моральное содержание, был продемонстрирован всей генеалогией данной проблематики, начиная с античности и заканчивая русским космизмом, сейчас уже де-факто и трансгуманизмом (так, например, Н. Бостром рассматривает ряд этических проблем, могущих возникнуть в случае просто значительного продления жизни [26]). *Если современный прогресс уже породил множество биоэтических проблем и коллизий, то гипотетическое преодоление смерти или достижение хотя бы его возможности приведут к их экспоненциальному росту и еще рельефнее обнажат мировоззренческие корни конфликтующих точек зрения.* Соответственно, даже при анализе влияния биотехнологического прогресса на смерть как естественный процесс, как только речь заходит об отражении данных перспектив в сознании человека, принципиально нельзя отвлечься от этого субъективного, экзистенциального измерения. *Поэтому от науки требуется не только установление объективных возможностей и реальных путей потенциального преодоления смерти, но и прогнозирования тех моральных дилемм, которые оно способно будет породить как на индивидуальном, так и на общественном уровне.*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- [2] Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
- [3] Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М.: Политиздат, 1984. 286 с.
- [4] Перфилова Т.Б., Поликарпова Н.А. Проблема смерти и ее интерпретация в отраслях гуманитарного знания // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 3 (60). С. 197—201.
- [5] Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 452 с.
- [6] Изотова И.С. Научное осмысление смерти: историография проблемы // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 264—273.
- [7] Вагин Ю.Р. Тифоаналитическая концепция авитальной активности // Суицидология. 2010. Т. 1. № 1 (1). С. 48.
- [8] Meagher D.K., Balk D.E. (ed.). Handbook of thanatology: The essential body of knowledge for the study of death, dying, and bereavement. Routledge, 2013. 558 p.
- [9] Засядь-Волк Ю.В. К проблеме смысла индивидуальной смерти // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 3. С. 50—56.
- [10] Юдин Б.Г. Смерть в эпоху высоких технологий // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 265—272.
- [11] Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. 668 с.
- [12] Porter A. Bioethics and Transhumanism // The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine. 2017. Vol. 42. №. 3. P. 237—260. doi: 10.1093/jmp/jhx001.
- [13] Эттингер Р. Перспективы бессмертия. М.: Научный мир, 2003. 264 с.
- [14] Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. Penguin, 2005. 672 p.
- [15] Overall C. Aging, Death, and Human Longevity: A Philosophical Inquiry. University of California press, 2003. 276 p. doi: 10.1353/hyp.2005.0104.
- [16] Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400 с.

- [17] Дёмин И.В. «Кибернетическое бессмертие» и трансформация природы человека: дебиологизация или деантропологизация? // *Международный журнал исследований культуры*. 2014. № 2 (15). С. 66—71.
- [18] Fries J.F. Aging, natural death, and the compression of morbidity // *Bulletin of the World Health Organization*. 2002. Vol. 80. P. 245—250.
- [19] De Grey A., Rae M. Ending aging: The rejuvenation breakthroughs that could reverse human aging in our lifetime. St. Martin's Press, 2007. 400 p.
- [20] Вишнев И.В. Иммутология — современный вызов смерти // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9 (142). С. 112—119.
- [21] Дыдров А.А. Человек бессмертный: религиозная фикция или будущее науки? // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 391. С. 76—79. doi: 10.17223/15617793/391/12.
- [22] Vicencio J.M. et al. Senescence, apoptosis or autophagy? // *Gerontology*. 2008. Vol. 54. № 2. P. 92—99. doi: 10.1159/000129697.
- [23] Partridge L., Mangel M. Messages from mortality: the evolution of death rates in the old // *Trends in ecology & evolution*. 1999. Vol. 14. № 11. P. 438—442.
- [24] Bauman Z. Mortality, immortality and other life strategies. Stanford University Press, 1992. 215 p.
- [25] Willmott H. Death. So what? Sociology, sequestration and emancipation // *The Sociological Review*. 2000. Vol. 48. № 4. P. 649—665.
- [26] Bostrom N. Recent developments in the ethics, science, and politics of life extension // *Ageing Horizons*. 2005. Vol. 3. P. 28—33.

DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-324-333

SHIFTS IN THANATOLOGICAL APPROACH UNDER THE INFLUENCE OF BIOMEDICAL PROGRESS: ONTOLOGICAL, ANTHROPOLOGICAL, ETHICAL

A.I. Zhelnin

Perm State University
15, Bukireva St., Perm, 614990

Abstract. Death is an invariant of human existence, a kind of its “omega point”. At the same time, the attitude towards it is not a constant, but rather undergoes changes, being incorporated in a wide sociocultural context. The main goal of the article is an analysis of the nature of these changes at the present stage specifically under the influence of rapid biotechnological progress and dilemmas generated by these changes. Firstly, there is a tendency of increasing optimism: some theorists tend to perceive death not as an inevitable reality, but rather as a problem and a challenge. At the same time a radical direction arises, believing that death can be overcome only through the complete separation of man from its body substrate. The utopian nature of this project forces more moderate theorists to look for indirect way, which consists in a “war” with aging as the main predecessor of death, up to attempts of its complete abolition. Gradually, the formation of scientific immortality as a kind of opposition for thanatology takes place. At the same time, many theorists, and even more ordinary people remain skeptical position about the prospects for victory over death. It can be concluded that biomedical progress actualizes general human intention for self-preservation and death avoidance, but science requires an assessment of not only the objective possibilities for overcoming death but also both ontological and anthropological (including moral) consequences of it.

Key words: life, death, immortality, aging, thanatology, immortality, biomedical progress, transhumanism

REFERENCES

- [1] Ar'es F. Human in front of face of death. Moscow: Progress; 1992. (In Russ.).
- [2] K'erkegor S. Strakh i trepet. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; 2010. (In Russ.).
- [3] Lamont K. Illusion of immortality. Moscow: Politizdat; 1984. (In Russ.).
- [4] Perfilova TB, Polikarpova NA. Problem of death and its interpretation in branches of humanitarian knowledge. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2009; 3 (60):197—201. (In Russ.).
- [5] Khaidegger M. Being and time. Saint-Petersburg: Nauka; 2006. (In Russ.).
- [6] Izotova IS. Scientific understanding of death: historiography of problem. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010; 6: 264—273. (In Russ.).
- [7] Vagin YuR. Typhoanalytical conception of avital activity. *Suitsidologiya*. 2010; 1 (1): 48. (In Russ.).
- [8] Meagher DK, Balk DE. (ed.). Handbook of thanatology: The essential body of knowledge for the study of death, dying, and bereavement. Routledge; 2013.
- [9] Zasyad'-Volk YuV. Towards problem of meaning of individual death. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2013; 3: 50—56. (In Russ.).
- [10] Yudin BG. Death in the age of high technologies. *Otechestvennye zapiski*. 2013; 6 (57): 265—272. (In Russ.).
- [11] Lem S. Summa tekhnologii. Moscow: AST; 2002. (In Russ.).
- [12] Porter A. Bioethics and Transhumanism. *The Journal of Medicine and Philosophy: A Forum for Bioethics and Philosophy of Medicine*. 2017; 42 (3): 237—260. doi: 10.1093/jmp/jhx001.
- [13] Ettinger R. The prospects for immortality. Moscow: Nauchnyi mir; 2003. (In Russ.).
- [14] Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. Penguin; 2005.
- [15] Overall S. Aging, Death, and Human Longevity: A Philosophical Inquiry. University of California press; 2003. doi: 10.1353/hyp.2005.0104.
- [16] Gusserl' E. Crisis of European sciences and transcendental phenomenology. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'; 2004. (In Russ.).
- [17] Demin IV. “Cybernetic immortality” and transformation of human nature: debiologization or deanthropologization? *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*. 2014; 2 (15): 66—71. (In Russ.).
- [18] Fries J.F. Aging, natural death, and the compression of morbidity. *Bulletin of the World Health Organization*. 2002; 80: 245—250.
- [19] De Grey A., Rae M. Ending aging: The rejuvenation breakthroughs that could reverse human aging in our lifetime. St. Martin's Press; 2007.
- [20] Vishev IV. Immortology — modern challenge for death. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'nogumanitarnye nauki*. 2009; 9 (142): 112—119. (In Russ.).
- [21] Dydrov AA. Chelovek bessmertnyi: religioznaya fiktsiya ili budushchee nauki? Human immortal: religious fiction or future of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015; 391: 76—79. (In Russ.). doi: 10.17223/15617793/391/12.
- [22] Vicenci JM et al. Senescence, apoptosis or autophagy? *Gerontology*. 2008; 54.(2): 92—99. doi: 10.1159/000129697.
- [23] Partridge L, Mangel M. Messages from mortality: the evolution of death rates in the old. *Trends in ecology & evolution*. 1999; 14 (11): 438—442.
- [24] Bauman Z. Mortality, immortality and other life strategies. Stanford University Press; 1992.
- [25] Willmott H. Death. So what? Sociology, sequestration and emancipation. *The Sociological Review*. 2000; 48 (4): 649—665.
- [26] Bostrom N. Recent developments in the ethics, science, and politics of life extension. *Ageing Horizons*. 2005; 3: 28—33.

Для цитирования: *Желнин А.И.* Сдвиги в танатологической установке под влиянием биомедицинского прогресса: онтологическое, антропологическое, этическое // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 3. С. 324—333. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-324-333.

For citation: Zhelnin A.I. Shifts in Thanatological Approach under the Influence of Biomedical Progress: Ontological, Anthropological, Ethical. *RUDN Journal of Philosophy*. 2019; 23 (3): 324—333. doi: 10.22363/2313-2302-2019-23-3-324-333.

Сведения об авторе: *Желнин Антон Игоревич* — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета (e-mail: zhelnin90@yandex.ru)